

руют по ансамблю, они подготовят по несколько песен и одно представление. Работники СДК сами выбирали себе улицу. Старались взять ту, на которой жили. Ковалев взял Сеймовую («Козыну»), Голышевский – Зеленую («Мочир»), Руденко Люба – Комсомольскую («Горбачеву»). Себе Поливиченко выбрал самую дальнюю от центра – Новоселовку («Берлин» и «Боркову Колошу»).

Действовать начал не откладывая в долгий ящик. Стал искать людей, умеющих петь. Зашел в одну из крайних хат на «Берлине» и с ходу попросил назвать тех, кто на улице хорошо поет. Ему без запинки назвали Марию Голышевскую. Анатолий Васильевич, узнав, где она живет, отправился к женщине. Поговорил с колхозницей, разговор получился удачным, Мария не заставила себя уламывать и не только согласилась петь, но и предложила взять в ансамбль Галину Лысенко, Александру Завдовьеву (молочницу) и Осадчую Надежду Сергеевну (Мунчучку), ставшую впоследствии своеобразным «режиссером» различных постановок. Большинство из них были свекловичницами. Вскоре подключилась к песенницам Завдовьева Александра Михайловна с «Борковой Колоши» (доярка).

Вначале его самодеятельные певицы собрались в доме у Осадчей Н. С. Женщины с удовольствием вспоминали званновские песни, те, что пели на свадьбах и праздниках. Пели «по-своему», да так, что за душу брало. За короткое время в ансамбле пело уже 14 человек. Появились и мужчины, братья Шевченко: Иван, Григорий и Михаил. Их сестра Александра Трофимовна умела играть на балалайке.

После в ансамбле появились и доярки. Они собирались отдельно. Их в те времена возили на работу и с работы на грузовых машинах, а потом на колхозном автобусе. Зря время в пути они не тратили – пели. Часто запевали и на работе.